

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, Абдусаламов Магомед-Паша Балашович

ДАГЕСТАН В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 40-Е ГГ. XVIII В.

В статье на основе анализа архивных материалов и исторической литературы рассматривается дагестанский вектор кавказской политики Российской империи в 40-е гг. XVIII в. Этот период характеризуется обострением политической обстановки на Северном Кавказе, вызванным русско-иранскими и русско-турецкими противоречиями из-за сферы влияния в регионе, а также героической борьбой горцев Дагестана против Надир-шаха. Согласно изученным документам, в ходе народно-освободительной борьбы происходит дальнейший рост пророссийской ориентации местных владетелей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 82-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

PENETRABILITY OF THE VISIGOTH-FRANKISH BORDER

Kasparov Anton Igorevich
Saint Petersburg State University
akdrama@mail.ru

As a result of the political circumstances of the VI century direct contacts between Aquitaine and the Mediterranean became more and more limited, and Septimania, instead of becoming a bridge between Spain and Gaul, contributed to the isolation of Spain from the rest of the Western world. According to archaeological data, contacts across the Visigoth-Frankish border were reduced to the minimum, which deeply influenced the culture of the border areas. Catholic Church remained the only link for them, and its ministers crossed the border in both ways.

Key words and phrases: Septimania; Visigoths; Aquitaine sarcophagus; border; the Franks.

УДК 94(470.67)

Исторические науки и археология

В статье на основе анализа архивных материалов и исторической литературы рассматривается дагестанский вектор кавказской политики Российской империи в 40-е гг. XVIII в. Этот период характеризуется обострением политической обстановки на Северном Кавказе, вызванным русско-иранскими и русско-турецкими противоречиями из-за сферы влияния в регионе, а также героической борьбой горцев Дагестана против Надир-шаха. Согласно изученным документам, в ходе народно-освободительной борьбы происходит дальнейший рост пророссийской ориентации местных владетелей.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; Кавказ; Россия; политика; Надир-шах; Порты; Иран; освободительная борьба.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, д.и.н., профессор
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
daniyal2006@rambler.ru

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, к.и.н.
Дагестанский государственный институт народного хозяйства
vikinpasha@mail.ru

ДАГЕСТАН В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 40-Е ГГ. XVIII В.®

С началом 40-х гг. XVIII в. в истории народов Дагестана открылась новая героическая страница, связанная с борьбой против агрессии персидского завоевателя Надир-шаха.

Надир-шах, одержав в 1737-1739 гг. ряд блестящих побед в Афганистане, Северной Индии, собирался продолжить путь для новых завоеваний. Но, получив весть о смерти своего брата Ибрагим-хана и поражении иранцев в Джаро-Белоканах, «Гроза Вселенной» решил срочно вернуться в Персию, чтобы жестокими мерами наказать северокавказские народы и утвердить свою власть в Прикаспии [2, с. 182].

Весной 1741 г. персидские войска начали наступление на Джаро-Белоканы. Дагестанские владетели шамхал Хасбулат и кайтагский уцмий получили приказ поддержать иранцев и набрать войска. Однако северокавказские владетели, влиятельные старшины Анцуха и Цудахара, к которым обратился Хасбулат, решительно отказались от предложения поддержать персов, а «присланных с жалованьем прогнали» [3, д. 4, л. 94, 97]. Обращение представителя Надир-шаха Али-Кули-хана к Сурхай-хану, Ахмед-хану и к некоторым старшинам закончилось также безуспешно [Там же, л. 162].

Между тем, создавшейся обстановкой пыталась воспользоваться Османская империя. Османы тайно подстрекали северокавказские народы на борьбу, обнадеживая их поддержкой, но избегая открытого конфликта с Ираном. Наблюдавший за взаимоотношениями между Персией и Портой российский посланник в Иране И. Калушкин докладывал правительству, что «из поступков сих двух магометанских дворов усмотреть можно – оные на разрыв мира между собою горячего хотения не оказывают» [10, с. 100].

В мае 1741 г. Надир во главе 100-тысячной армии вторгся в пределы Дагестана [7, с. 442].

Следует отметить, что этот поход, переросший для Надира в Дагестанскую кампанию 1741-1743 гг., начался в благоприятных для шаха условиях, так как Стамбул и Петербург, связанные соответственно Эрзерумским 1736 г. и Белградским 1739 г. мирными договорами с Персией, не могли открыто вмешиваться в ход этого похода иранцев. Пользуясь тем, что северокавказские народы оказались без поддержки извне, предоставленными собственной судьбе, Надир-шах начал третий поход [8, с. 216].

Антироссийская направленность похода 1741 г. ярко отражена в переписке султанского и шахского дворов. Надир и его правительство в своих письмах в Стамбул открыто указывали, что этот поход направлен против могущественного северного соседа, и старались склонить османов к совместной войне с Россией [10, с. 100].

Ближайшей целью персов было отрезать Дагестан от влияния России и султанской Турции, соорудив на его территории ряд крепостей на рр. Бугам, Манас и Сулак [3, д. 4, л. 147, 153].

Следует отметить, что поход Надир-шаха изменил обстановку на Северном Кавказе, очень возросла пророссийская ориентация местных владетелей. Свидетельством тому являются многочисленные обращения северокавказских владетелей и влиятельных старшин за покровительством и помощью к России [6, с. 131]. Так, мехтулинский правитель Ахмед-хан, сообщая о переходе шамхала Хасбулата на сторону персов, писал в Кизляр, что «все дагестанцы, от самых андийцов до авар, положили с прочими горскими народы намерение заодно и баталию с персиянами дать изготовились, однако ожидают российского войска» [10, с. 101]. Кроме того, бывшие сторонники персов Сурхай-хан Казикумухский и Ахмед-хан Кайтагский, узнав, как захватчики жестокими мерами усмирили джарцев, и перед угрозой вторжения шахского войска в Дагестан, решили сражаться с врагом до победного конца [8, с. 217].

Однако Россия, связанная с Ираном Гянджинским договором 1735 г. и Белградским трактатом с Турцией, не могла принять северокавказские народы в свое подданство или оказать открыто им военную помощь. Поэтому к дагестанским владетелям были посланы новые присяги «в утверждении их верности; а тайно, под рукою, сделаны были засылки к призванию в верное и вечное подданство горских владельцев: шамхала, усмия и прочих, сходно с присланными прошениями их о том» [5, с. 223]. Лояльная политика российского правительства по отношению к местным владетелям и влиятельным старшинам содействовала дальнейшему укреплению пророссийской ориентации на Северном Кавказе. Одновременно российское правительство осторожно поощряло горцев Дагестана к борьбе против Надир-шаха, снабжая провиантом и т.д. Так, в феврале 1742 г., когда Надир-шах направил шамхала Хасбулата в Засулакскую Кумыкию для приведения в покорность местных владетелей, в Кизляре, Астрахани и Царицыне российские войска были приведены в боевую готовность. Кизлярским властям было поручено объявить «находящимся в близости от персидских границ подданным Е.И.В. владельцам, мурзам и прочим, что они в случае нападения на них будут охранены российскими войсками» [1, с. 184]. В то время 2 тыс. донских казаков были переведены в Кизляр под предлогом ремонта крепости [7, с. 443]. Командующий Царицынской линией ген.-м. А. И. Тараканов сообщил кизлярским властям, что они направлены сюда для оказания помощи «шаховым неприятелям, яко то лезгинцам, тавлинцам и прочим... дабы чрез то... противу шаха в лутчее одобрение оные прийти могли» [2, с. 184].

Вместе с тем, на Северном Кавказе предпринимались и другие решительные меры, направленные на предотвращение похода персидских войск в Засулакскую область. Так, ещё в августе 1742 г., когда иранские войска проникли на территорию Чечни и пытались навести мосты в районе с. Брагуны, персы вынуждены были отступить ввиду решительного протеста российского правительства и готовности войск «дать персиянам отпор» [8, с. 222]. Для подкрепления этих мер, гребенские казаки встали на защиту Терской линии, по Сулаку были учреждены форпосты, в Эндирее и Костеке выставили воинские отряды из 2 тыс. драгун, подчиненных непосредственно кизлярскому коменданту. Кроме того, через российского посланника В. Братищева Надир-шах официально был предупрежден, чтобы не форсировал р. Сулак, «ибо граница Ирана на севере проходит от этой реки». В результате решительных мер российского правительства поход персидских войск в Засулакскую Кумыкию и притеречные районы Чечни был предотвращен [1, с. 81-82].

Летом 1742 г. к кизлярскому коменданту обратился мехтулинский владетель Ахмед-хан, просивший известить императрицу Елизавету Петровну, «чтобы мы по-прежнему были приняты в российское подданство и в покое нам жить... а мы какую нужду не претерпевали б, только к шаху в подданство не пойдем» [3, д. 10, л. 113].

С аналогичной просьбой обращались также дербентцы и жители приморской полосы Дагестана, подвергавшиеся террору со стороны персов. Сменивший И. П. Калущкина при шахе В. Братищев доносил, что они «за готовую благодать признавать готовы, ежели бы Российской власти подчинены были» [12, с. 385].

Кроме того, под влиянием одержанных народами Дагестана над персидскими захватчиками побед и при новой активизации кавказской политики России от Надир-шаха стал отходить его верный вассал шамхал Хасбулат, тайно извещая владетелей Засулакской Кумыкии о нависшей над ними опасности. Разумеется, действия Хасбулата стали известны персам. Как доносил в январе 1742 г. российский посланник при шахе И. П. Калущкин, «шах на шамхала в искренности ево к персиянам весьма противное мнение возымел» [3, д. 4, л. 61-62].

Подозрения Надир-шаха не оказались беспочвенными. В июле 1742 г. шамхал Хасбулат тайно обратился в Кизляр с просьбой принять его в подданство России [1, с. 82]. С аналогичными просьбами к кизлярским властям обратились в июле того же года уцмий Ахмед-хан, аварский нуцал Магомед, а также десятки горских старшин и предводителей союзов сельских общин Дагестана [5, с. 223].

Принятые российским правительством на Северо-Восточном Кавказе меры оказали отрезвляющее воздействие на Персию. Убедившись в том, что продолжение войны с народами Дагестана не принесет ничего иного, кроме новых поражений, в 1743 г. Надир-шах отступил из Дагестана под предлогом войны с османами [2, с. 186].

Как только шахские войска оставили пределы Дагестана, османский султан Махмуд стал настраивать дагестанских владетелей и старшин против России. Обстановка в Дагестане и Северном Азербайджане, антишахские восстания, охватившие Кубу, Ширван и Дербент, благоприятствовали выполнению замыслов османов.

Порта пыталась воспользоваться знаменем антишахской борьбы на Кавказе, выдвинув в качестве её руководителя своего агента под видом Сефи-Мирзы, фактически самозванца, выдававшего себя за сына казненного Надиром шаха Султан Хусейна Сефи – Тахмаспа II. Преследуя свои политические цели, к восставшим присоединился и сын Сурхай-хана Магомед-хан [8, с. 224].

Подготовив для вторжения в Южный Кавказ 50-тысячное войско в помощь своему агенту Сефи-Мирзе, султан Махмуд обратился с фирманами к джарцам, уцмию Ахмед-хану, нуцалу Магомеду, Сурхай-хану и его сыну Магомед-хану, призывая перейти на свою сторону, убеждая в том, что он выступает в защиту прав законного наследника сефевидской династии [Там же, с. 224-225].

Однако помощь Порты не вышла за рамки словесных деклараций. В самый разгар Ширванского восстания султан отказался от посылки крымцев «обещая оным вместо сих дать немалое число из собственных войск...». Но обещания своего султан не выполнил [Там же, с. 225]. Российский посланник в Порте А. А. Вешняков, объясняя сущность курса османского правительства, указывал, что «султан на дагистанцов мало полагается, а паче опасается, что такой поход России будет столь же подозрительным как и прежний» [Там же].

Таким образом, не получая от османов реальной помощи, дагестанские владетели и старшины не откликнулись на его дальнейшие призывы.

Наступление Надир-шаха на Карс и осада им Мосула летом 1744 г. вынудили Порту отозвать самозванца на шахский престол Сам-Мирзу II (*первый самозванец в декабре 1743 г. бежал в Грузию – Д. К., М.-П. А.*). Но временная победа над османами не означала упрочения власти Надир-шаха на Кавказе ввиду того, что усиленно шёл процесс сближения Северного Кавказа с Россией. Хорошо сознавая опасность влияния такого процесса на свои гегемонистские устремления на Кавказе, Надир-шах предпринял новые попытки покорения Дагестана. В декабре 1744 г. он стремительным маршем привел к Дербенту 30-тысячное войско. Следует отметить, что эта поспешность персидского шаха преследовала определенную цель – помешать России оказать покровительство народам Северного Кавказа, многие из которых продолжали обращаться к ней за подданством.

Это был последний (четвертый) поход персов во главе с Надир-шахом, угрожавший не только народам региона, но и южным границам России. Предупреждая об этом, ещё до вторжения шахских войск, российский посланник в Иране В. Братищев предлагал своему правительству «принять при Кизляре крепчайшие осторожные меры и содержать эндириевских и аксаевских владельцев в порядочном состоянии» [Там же, с. 226]. Однако неоднократные обращения кизлярской администрации к астраханскому губернатору В. Н. Татищеву о присылке дополнительных войск на Терек остались без последствий.

Пользуясь этим, Надир-шах предпринял ряд дипломатических и военных действий в регионе, стараясь отвлечь дагестанских владетелей и старшин от союза с Россией и подчинить их себе. В начале 1745 г. Губден, Карабудахкент, Утемыш и Бойнак были разрушены персидскими войсками, а жители подвергнуты жестоким репрессиям, десятки тысяч голов скота доставлены в шахский лагерь. Это подвигло персидского правителя на новые акции. Но попытка повторить карательную операцию в горах, предпринятая в обстановке подъема национально-освободительной борьбы и активного сближения народов Дагестана с Россией, потерпела провал [9, с. 193].

Убедившись в том, что открытая война с народами Дагестана может привести к необратимым катастрофическим последствиям, персидский правитель пытался добиться своих целей путем подкупа местных владетелей и старшин, отправив к ним из Дербента специальные воззвания, провоцировавшие их против России, но никто из них, даже прежний сторонник Надир-шаха шамхал Хасбулат, не отозвался на этот призыв [Там же].

Таким образом, несмотря на все старания, персидскому шаху и на сей раз не удалось ни покорить северокавказские народы, ни восстановить их против России. Наоборот, стараясь избавиться от гнета персов, они охотно переходили в подданство России. Пограничные российские власти, видя все это, не раз доносили в Петербург, что «усиление русских войск в Кизляре даст возможность склонить горские народы к России» [8, с. 227].

Учитывая стратегическое значение Северного Кавказа в своей кавказской политике и стремление его народов избавиться от гнета шахского Ирана и султанской Турции, с начала 1745 г. Петербург провел ряд дополнительных мер для сохранения в регионе своего влияния. На место безынициативного астраханского губернатора туда был направлен бывший главнокомандующий на Кавказе кн. В. В. Долгорукий с устным предписанием приводить местные народы в российское подданство. Для дипломатического воздействия на персидского шаха в Дербент был отправлен искусный дипломат кн. М. М. Голицын. Для усиления кизлярского гарнизона в качестве коменданта крепости с 7 драгунскими полками в город вступил опытный в обращении с местными народами сподвижник Петра I ген.-л. Д. Ф. Еропкин. «С той же целью из Астрахани в Кизляр перевели 6 драгунских полков, 2 пехотных полка, 1 драгунскую роту. Кроме того, часть российских войск, находившихся в Кизляре, расквартировали по р. Сулак для наблюдения за передвижением шахской армии» [5, с. 232].

Эти меры в совокупности стабилизировали положение в регионе. Следует указать, что существенные коррективы кавказской политики российского правительства, направленные на укрепление её позиций и подрыв влияния шахского Ирана и султанской Турции в регионе, способствовали тому, что героическая борьба местных народов привела к отступлению шахских войск в феврале 1745 г. вглубь Ирана, где Надир-шах стал готовить силы для реванша в новой войне с османами [8, с. 228].

Эта война между Персией и Портой продолжалась с весны 1745 г. до осени следующего года, но не принесла успеха ни одной из воюющих сторон. Мирный договор от 4 сентября 1746 г. возвратил их к границам Касре-Ширинского договора 1639 г., Ирано-турецкий договор 1746 г. признавал Северо-Восточный Кавказ

формально независимым. Однако на деле мирный трактат оставлял возможности для вмешательства обеих государств во внутреннюю жизнь местных народов. В 4 пункте договора специально оговаривалось, что «народ лезгинской и другия находящиеся в тех краях вольными имеют остаться... в их правление дела не вступаться, а буде Блистательной Порты или против персидского государства какое их неприятельское намерение откроется, то по отношению обеих сторон вольно по вине их наказать» [Там же].

Таким образом, мирный договор 1746 г., признавая формально независимость Северо-Восточного Кавказа, на деле означал сговор Персии и Порты для подавления освободительной борьбы местных народов.

Персидский шах не отказался от притязаний на Северный Кавказ и тогда, когда Иранская держава уже оказалась на грани развала. Однако длительная и упорная освободительная борьба кавказских народов, поглотившая огромные людские и материальные ресурсы шахской Персии, сыграла свою роль в крушении Иранской империи. В результате заговора придворных в июне 1747 г. Надир-шах был убит [7, с. 449].

Следует отметить, что ослабление Персии в результате гибели Надир-шаха и новые междоусобные войны в стране нисколько не соответствовали интересам России, так как могли привести к усилению агрессии со стороны Османской империи. Вскоре доподлинно узнав о смерти Надир-шаха, 6 октября Тайный совет подтвердил необходимость активизации политики России.

Решения Петербурга оказались своевременными. Летом 1747 г. с фирманами турецкого султана Махмуда и значительной суммой денег на Северном Кавказе появился Юсуф-паша. Согласно указу султана, за мехтулинским владетелем сохранялось звание шамхала с чином Силахшора¹ и вручением 200 мешков денег; кайтагскому уцмию жаловался титул трехбунчужного паши², его сыну Магомед-хану – двухбунчужного паши. Такие же титулы были пожалованы владетелям Табасарана и Цахура [4, с. 72].

Однако и на этот раз попытка османов установить своё господство на Северо-Восточном Кавказе закончилась безуспешно.

Что касается Дагестана, то здесь ещё более интенсивно шёл процесс усиления пророссийской ориентации среди местных владетелей. В начале 1748 г., принимая присягу на верность России, кайтагский уцмий Ахмед-хан, тарковские владетели Хасбулат и Эльдар, табасаранские майсум и кадий, дербентский правитель Гусейн-хан заявили, что «турецкому султану и персидскому шаху мы служить не желаем... ибо мы положили намерение Е.И.В. верно служить» [11, д. 3, л. 3, 5].

В декабре 1748 г. эти же дагестанские владетели, подтвердив принятую ранее присягу, обратились к Кизлярской администрации с просьбой прислать 3 тыс. войско, обещая им квартиры и полное провиантское обеспечение. Проводивший переговоры с дагестанскими владетелями подполковник А. Шейдяков отмечал, что был очень хорошо принят ими. Он докладывал кизлярским властям: «Все дагестанские владельцы радуются и думают, что несомненно российское войско в Персию по прежнему вступят». Со своей стороны, кайтагский уцмий и дербентский правитель Гусейн-хан обращали внимание А. Шейдякова на то, что в виду междоусобиц в Персии султанские войска легко могут захватить Дербент и овладеть Дагестаном, а «наше желание то, да б Дербент достался в руки российской государыне...» [Там же, л. 15].

Таким образом, принятые меры российского правительства оказали положительное воздействие, способствуя стабилизации обстановки на Северном Кавказе. Одновременно закреплялась роль Кизляра и кизлярской администрации как важнейшей опоры Российского государства на Северном Кавказе.

Выступления в защиту интересов населения Северного Кавказа способствовали обеспечению собственных интересов России и содействовали дальнейшему расширению и укреплению её авторитета у местных народов.

Список литературы

1. Абдусаламов М.-П. Б. Кумыкские феодальные владетели в освободительной борьбе народов Дагестана против Надир-шаха (1734-1745 гг.) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 52. С. 79-83.
2. Абдусаламов М.-П. Б. Политические связи засулакских феодальных владетелей с Россией в период походов Надир-шаха в Дагестан // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 1 (72). С. 182-186.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77. Оп. 77/1. 1741 г.
4. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам / ред., коммент. и примеч. акад. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1991. 304 с.
5. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3-х ч. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869. Ч. I. 548 с.
6. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 391 с.
7. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. М.: Наука, 2004. Т. I / отв. ред. А. И. Османов. 627 с.
8. Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. 456 с.
9. Сотавов Н.-П. А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала: Республиканская газетно-журнальная тип., 2000. 223 с.
10. Сотавов Н.-П. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.: от Константинопольского договора 1700 г. до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. М.: Наука, 1991. 228 с.
11. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 339. Оп. 1.
12. Юдин П. Л. Россия и Персия в конце 1742 г. (из писем переводчика В. Братищева канцлеру князю А. Черкасскому) // Русский архив. М., 1899. Кн. 1. Ч. 3. С. 369-390.

¹ Силахшор – генеральный инспектор османской армии.

² Трехбунчужный паша – высший титул в Порте, равный званию первого визиря.

DAGHESTAN IN THE CAUCASIAN POLICY OF RUSSIA IN THE 40S OF THE XVIII CENTURY**Kidirniyazov Daniyal Saidakhmedovich**, Doctor in History, Professor*Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
daniyal2006@rambler.ru***Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich**, Ph. D. in History*Daghestan State Institute of National Economy
vikingpasha@mail.ru*

The article examines Daghestan vector of the Caucasian policy of the Russian Empire in the 40s of the XVIII century on the basis of the analysis of archival materials and historical literature. This period is characterized by political realities aggravation in the North Caucasus caused by the Russian-Iranian and the Russian-Turkish contradictions because of the sphere of influence in the region, and also the heroic struggle of the mountaineers of Daghestan against Nadir Shah. According to the researched documents during the course of the people's liberation struggle the further growth of the pro-Russian orientation of the local rulers takes place.

Key words and phrases: Daghestan; Caucasus; Russia; politics; Nadir Shah; Porta; Iran; liberation struggle.

УДК 1

Философские науки

В статье сформулирована проблема сохранения России как страны. Само существование российского государства во многом зависит от влияния этнического фактора на социальную устойчивость общества. Российская городская культурная среда эффективно демонстрирует деструктивность этничности и создаёт благоприятные условия для процесса нациестроительства. Сделан вывод о том, что только процесс создания единой российской политической нации, при содействии гражданского общества, создаст предпосылки стабильного развития нашей страны.

Ключевые слова и фразы: этнос; этнический аспект; российская политическая нация; идентичность; гражданское общество.

Кобяков Олег Николаевич*Курганский государственный университет
kobyakov-oleg@yandex.ru***ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ[©]**

Россия на протяжении всей своей истории была сложным по этническому составу государством. Казалось бы, для сохранения единства страны, её территориальной целостности, укрепления межэтнического взаимопонимания, формирования единой российской политической нации нет сложных препятствий. Почему же так называемый «национальный вопрос» будоражит умы наших сограждан, почему от его решения зависит судьба Отечества?

Сама по себе проблема этничности была бы предметом обсуждения узкого круга специалистов, при одном условии – если бы она не оказывала влияние на разрушение стран. Кроме СССР в недавнем прошлом «этнический фактор» способствовал распаду Югославии, Чехословакии, и можно не сомневаться в том, что этот список будет пополняться. Логика нашего анализа этничности направлена на то, чтобы осмыслить её деструктивную составляющую, рассмотреть возможность её демонтажа, чтобы Россия не продолжила вышеназванный список разрушенных стран.

Обращает на себя внимание тот факт, что западные «нации» позиционируются в информационном пространстве только как гражданские, а российские «нации» являются якобы «недосамоопределившимися». В России традиционно принято называть этносы нациями, а под полиэтничностью понимать многонациональность. Современное российское гражданское общество в рамках демократических процедур уже способно, на наш взгляд, инициировать процесс внесения изменений в действующую конституцию, в результате советский концепт «многонациональности» можно было бы заменить понятием «полиэтничность». Термин «многонациональный» как характеристика единого российского народа звучит двусмысленно и отнюдь не безобидно. Как справедливо утверждал немецкий философ Юрген Хабермас: «Терминология может быть какой угодно, но только не невинной; она внушает определённую точку зрения» [10, с. 230].

В мировой науке под национальностью подразумевается принадлежность к государству, и нация воспринимается как согражданство. Однако встречаются неоднозначные коннотации понятия нация в разных языках. Так, чешский учёный Мирослав Грох отмечал, что «по-английски nation включает всех, живущих под властью одного правительства, т.е. нечто очень близкое к государству, с другой стороны, по-немецки “Die Nation”